

ПОЛИТИКА КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРЫ

Самой особенностью современной политики является ее генетическая связь с феноменом публичности: в демократических обществах ее осуществление невозможно вне публичного пространства культуры. В то же время публичность сама по себе является неотъемлемой частью феномена политического. Однако в современном обществе публичное пространство подвергается множествам деформаций, что является одной из причин цивилизационного кризиса. Рассмотрение механизма этих деформаций требует специального анализа.

Публичность как феномен европейской культуры сформировалась в еще в античности. Для древнего грека публичное и политическое фактически отождествлялись: политическая жизнь (участие в жизни полиса) была способом реализации себя в публичном, в то время как жизнь в домохозяйстве, ойкосе знаменовала пребывание в приватном. При этом публичное и приватное выступали как соотношение необходимости и свободы. Сфера домохозяйства – мир природной необходимости, неравенства, деспотического порядка – мир до-политического. Политическое же как сфера публичного – мир свободы. Бытие в полисе требовало от человека акта мужества, поднятия над миром природной необходимости. Оно выступало как место столкновения множества позиций, в то время как жизнь в домохозяйстве могла рассматриваться лишь как распространение собственной позиции. В этом Х.Арендт усматривает истинный смысл публичного существования: «Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции» [1, с. 75].

В Новое время формируется понятие публики как художественного и политического явления, которая состояла из разных сословий, но была объединена общим представлением о здравом смысле, общем вкусом. «Появление публики является очень важной находкой цивилизационного процесса. Оно является ответом на вопросы: что объединяет автономных индивидов, которые уже не связаны опытом страдания, что люди могут противопоставить рынку, где они выступают как конкурирующие производители товаров» [2, с. 247]. Появляются новые сферы публичности. Такими становятся парламент и театр.

К концу XIX века сформировалось новое социокультурное пространство – большой город, мегаполис, для которого характерны унификация, стандартизация, нивелирующие социальные различия. Современный исследователь Р.Сеннет полагает, что важнейшей характеристикой мегаполиса является мультикультурализм. Большая плотность населения приводит к

тому, что встреча людей разных этносов, культур, мировоззрений, политических пристрастий оказывается неизбежностью. Именно город становится местом существования публичной культуры капиталистического общества, а публичная сфера – тем местом, в котором может осуществляться коммуникация между различными не похожими друг на друга людьми.

В то же время в современном мире наблюдается кризис публичной сферы, который выражается, главным образом, в возникшем дисбалансе между сферами частного и публичного. Этот дисбаланс связан со вторжением личности в публичную сферу, попыткой перенести личностные установки в публичное пространство. Проявление этого кризиса усматривается в том, что люди оценивают политические события с позиций своих частных личностных интересов. Так, например, не поступки политика, а формы его частной жизни (семейное положение, биография и др.) становятся решающими при голосовании. «В современной политике, если лидер заявит: не обращайтесь внимания на мою личную жизнь, вам нужно знать только, насколько я хорош как законодатель или администратор и что я собираюсь предпринимать на рабочем месте — это будет равнозначно политическому самоубийству» [3, с. 34]. Таким образом, в публичную жизнь внедряется значительная роль психологизма, обеспечивающего своеобразный вотум «доверия» к политику, в то время как само это «доверие» является наложением частных образцов на публичные. В обыденной жизни это стирание границ публичного и частного может принимать форму страха высказывать собственное мнение на людях и др. Возникают «сигналы душевного бедствия», связанные с новыми условиями бытия публичной культуры: страх перед непреднамеренным «обнажением» характера, взаимоналожение частных и публичных образцов, защитный отказ от чувств и нарастающая пассивность [3, с. 217].

Пространство большого города перестает быть пространством публичного и становится *мертвым*, в котором индивид обречен на молчание и одиночество. В результате изменяется отношение населения к публичной жизни. Если в эпоху Просвещения публичность была мерилom нравственного бытия, то в XX веке публичная жизнь начинает восприниматься как зло. У жителей города вырабатываются неприязнь и страх по отношению к ней, что в свою очередь приводит к исчезновению политического диалога и закреплению особой значимой роли за политиками как людьми, выражающими себя на публике и формирующими новое понятие «публичная личность». Особенность современной публичной личности заключается в том, что ей противопоставлена молчаливая и пассивная толпа наблюдателей, у каждого из которых публичная сфера вызывает тревогу и страх.

Другая крайность современной публичной сферы – внедрение интимности в публичное пространство, появление «рыночного обмена исповедями». Мир частного втягивается в рыночные отношения, на основе чего возникают новые жанры современной массовой культуры, подобно многочисленным ток-шоу, в которых интимная жизнь индивида становится предметом публичного рассмотрения. Отсюда – и интерес к частной жизни политиков, и «интимный» стиль поведения современных политиков, пытающихся изъясняться на быденном языке, и ставшие популярными на постсоветском пространстве встречи политиков с народом, в ходе которых происходит незамысловатый разговор о насущных проблемах, а также публичное обращение к собеседнику на «ты», которое создает иллюзию интимизации политического дискурса.

Таким образом, в современном мире фактически исчезает понимание публичного пространства как сферы рациональной коммуникации. Психологизация публичного пространства, отождествление публичного мира с миром семьи и перенос в политическую сферу типа отношений, присущего миру интимного бытия (например, типу отношений в семье в частности, патриархальной), приводят к появлению таких феноменов, которые Р. Сеннет называет «тиранией интимности». Одну из таких форм тирании наша история уже знала – тиранию тоталитарного государства, где не существовало разделения публичного и частного, происходило взаимопоглощение этих сфер. Тогда, наряду с энтузиазмом, возникшем при отождествлении целей личной жизни с задачами государства (феномен первых пятилеток), стал возможным и феномен Павлика Морозова, анонимки и публичное отречение от отцов. Другая форма «тирании интимности» – бегство человека от давления публичной сферы в мир частного, замыкание в собственном доме – порождает пассивного мещанина, создает инертную массу, молчаливое большинство. Проблема состоит в том, как избежать этих крайностей, как сделать публичное пространство обитаемым. Это сложная задача, и ее решение возможно только в том случае, если общество попытается по возможности избавить публичное пространство от излишнего психологизма, рассматривать его как пространство диалога, как пространство дискурсивных практик. Это, в свою очередь, переводит нас в область другой проблемы – проблемы формирования политической культуры как феномена публичности.

Список литературы

1. Арндт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000.
2. Марков Б. Знаки бытия. — СПб.: Наука, 2001.
3. Сеннет Р. Падение публичного человека; Пер. с англ. / Перевод О.Исаева, Е.Рудницкая, Вл.Софронов, К.Чухрукидзе. — М.: Логос, 2002.